

Инерике Тӥнери

*Лечебные
рассказы*

Инерике Тёнери
Лечебные рассказы

«Издательские решения»

Тёнери И.

Лечебные рассказы / И. Тёнери — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-508616-7

Лечебные рассказы — название не очень художественное. Зато жизненное. Общество болеет. Примеры здоровых отношений, поступков, да и просто светлые мысли героев — не кусочек «пышного торта», скорее — корочка хлеба. Но, может, простая пища нужна?

ISBN 978-5-00-508616-7

© Тёнери И.
© Издательские решения

Содержание

Вышивка	6
Про женщину и мужчину	7
Две женщины	8
Испытание	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Лечебные рассказы

Инерике Тёнери

© Инерике Тёнери, 2020

ISBN 978-5-0050-8616-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вышивка

Каждое утро я выбегала из автобуса и неслась к метро. Филателисты, бабули, торгующие петрушкой, бомжи стояли, сидели, лежали на обочине. Но этот человек мне врезался в глаза. Вернее, вышитые картинки, прикрепленные на заборе за ним. Особенно одна. Красивый парень с любовью, нежно обнимает девушку. В этой картинке было бережное отношение мужчины к женщине... Единение сердец. Парень с девушкой были похожи друг на друга. Я перевела взгляд на человека. Он сидел в инвалидной коляске. Без ног. И вышивал! Конечно, удивительный. Не попрошайничает, а вышивает. Теплый фонтан снизу вверх меня подбросил и я быстрее побежала на работу.

С того летнего дня я частенько его видела. Он сидел и вышивал. «Обязательно куплю картину, где парень девушку бережно обнимает», подумала однажды я. Но, то ли денег не хватало, то ли времени – постоянно проходила мимо.

Лето прошло. Пробегая, как всегда, к метро, я по привычке бросила взгляд в сторону забора. Человека не было. «Похолодало, – подумала я, – не успела...».

Однако, в один из солнечных осенних дней, (а осень, на удивление, щедро одаривала нас рыжими теплыми красками), я вновь его увидела. Ни лишних денег, ни самое главное – свободного времени у меня не было! «Все равно. – Подумала я. – Подойду».

– Здравствуйте, я восхищена вами. Спасибо вам за отношение к жизни.

И пошла. Уже ближе к метро вспомнила. Полюбившейся картины на заборе не было...

Прошел еще месяц. Невероятно – конец октября, а солнечно. Почти морозно. У забора никого. Ни бомжей, ни филателистов, ни нумизматов. Вдруг разглядела: человек-то сидит! Только странно, повернувшись к забору... и картинки висят. Деньги у меня кое-какие были с собой, да и я, на редкость, вышла загодя в тот день. Направившись к нему, интуитивно замедлила шаг. Что-то не то... Вижу... он от себя белую непрозрачную бутылку отводит и меж прутьями забора просовывает так, чтоб аккуратненько вылить на траву... тоненькой струйкой... «Моча, – в голове сверкнуло, – боже мой, он ведь весь день на улице... как я не догадалась... а он... догадался. Даже бутылку непрозрачную подобрал. Человек.». Прошла мимо. Вновь удивившись. Как ладно все выходит у этого человека. Больше я его не видела.

Прошел еще месяц. Совсем похолодало. Стало серо. Конец осени... У забора – никого... И вот сегодня – подарок судьбы. Впереди – зима. На улице: минус три. Выхожу из автобуса и вижу его. В кошельке – двести рублей. А картинка, тронувшая душу, вновь появилась на заборе. «Моя». И ринулась к нему. «Ничего, про деньги что-нибудь придумаем».

– Здравствуйте, я хочу купить вот эту вышивку.

– Здравствуйте. – Лицо открытое, улыбка широкая такая.

– Вам повезло, сегодня я здесь последний день. Завтра уезжаю в пансионат.

– Правда? Сколько она стоит?

– А, сколько не жалко.

– У меня всего двести рублей, -говорю и открываю ему, показывая, все карманы кошелька.

– Вы можете мне перечислить на карточку с телефона, – говорит он, улыбаясь.

– Я отправлю Вам еще пятьсот.

– Давайте.

Перечисляю. В последний миг не выдерживаю:

– Разрешите пожать Вашу руку. Я восстанавливаю людей после болезней всяких... поверьте... редко встретишь такое... достоинство. Он молча и широко улыбается. Крепко жму его руку. Мы расстаемся и я просто лечу на крыльях к метро. Какой подарок судьбы! Даже цена – семьсот рублей для меня важна. Число семь – вышнее. Духовное.

Про женщину и мужчину Притча

У одного Человека заспорили Руки и Ноги.

Ноги говорят:

– Мы главные. Мы сильные. Мы быстрые. Благодаря нам Человек ходит, познает мир.

А Руки возражают:

– Человек без нас обойтись не может! Нами он и лицо моет, и еду готовит, и штаны, извините, одевает!

– Ну, – ответили Ноги, – если б мы не носили тело Человека на работу, с работы, то и не было бы денег на еду и одежду! (И на перчаточки, чтоб вам тепло было, между прочим!) Так что, как ни крутите, а мы все-таки важнее...

– Хорошо, – ответили Руки, – но ведь на работе Человек все делает нами – Руками! И аппаратуру, и детали, и даже хлеб. Ведь для такой сложной работы именно наша тонкость нужна, скрупулезность. И если угодно, гибкость, аккуратность.

– Нет, – сказали Ноги, – что значит тонкость, аккуратность по сравнению нашей силой, выносливостью, размахом! – И в подтверждение своим словам, они легко перепрыгнули через огромную лужу. – Мы – сила!

Руки съязвили:

– Ноги только Волка кормят!

Обиделись Ноги, замолчали, и только быстрее пошли.

И Руки тоже пальцы растопырили, ногтями своими красуются...

А Человек смеется. Так он любит и Руки свои и Ноги. Ноги, думает он, неприхотливые, и по земле холодной и по теплomu полу могут ходить.

Спасибо им за это.

А Руки более нежные, любят чистоту, красоту. Но какой обед могут приготовить душевный, как все красиво подать!

Спасибо им за это.

А когда Человек отдыхал, он любил танцевать. И Руки с Ногами двигались одновременно, в такт. Движения их были прекрасны, в едином порыве. Они умело дополняли друг друга, и этот диалог был понятен без слов...

— — — — —

Да, можно конечно, прожить без Ног. На каталке.

Да и без Рук можно. Но разве это жизнь? Вы-жи-ва-ни-е.

Хорошо, когда это понимают и Руки и Ноги, гармония...

Две женщины

Меня вызвали к пациентке, которой 92. Вызвала дочь, которой 68. Однокомнатная квартира, заваленная стопками книг. Книги везде. На пианино, под ним, на столе, под ним, просто стопки на полу... Стол у окна, огромный, на полкомнаты. К окну не подойти. На окне два вазона с традесканциями. Таких цветов сейчас не выращивают. В советское время традесканция была в почете чуть не в каждом доме. Эти же две были чахлыми, жидкими, пожелтевшими...

К столу примыкала кровать. На ней лежала кукла. С седыми курчавыми волосами. Кукла лежала с закрытыми глазами.

– Это моя мама, – сказала дочь, – она не спит. Если вы подойдете к ней и заговорите, она откроет глаза.

Я подошла и сказала: «Здравствуйте».

Она и вправду открыла глаза. Когда-то это была красивая женщина. Но сейчас на меня нет, сквозь меня смотрел... человек с другой планеты. На высохшем лице блуждала полуулыбка.

Я не знала, что говорить. Тогда дочь сказала:

– Мама сможет! Только помогите! Надо ее как-то расшевелить! Смотрите, она сейчас поднимет руку!

Но мама не поднимала.

– Я ее сейчас посажу, – сказала дочь и стала приподнимать и усаживать маму. В длинных тонких руках мамы угадывалась красота, что была прежде. Дочь тоже была худенькой, но попроще. Я не могла оторвать взгляд от постели. Истрепанной, несвежей, покрытой прозрачной пленкой и с крошками. Дочь перехватила взгляд.

– Я сплю с мамой, – сказала она. – Боюсь, что она упадет. Знаете, с тех пор, как умер папа, я боюсь потерять маму.

– Но... она, мне кажется... уже не здесь... -сказала я.

– Что вы! – закричала дочь, она может даже ходить! Надо просто ее потренировать!

Она поставила к кровати ходунки, стала поднимать маму, пристроила ее руки к опоре, переставила одну мамину ногу, затем вторую... И мама пошла!

Глаза у нее были полуприкрыты, рот приоткрыт, как и прежде, но она передвигалась. У шкафа дочь ее развернула и мама с трудом, но вновь стала идти. Зрелище было сюрреалистическое. Затем дочь уложила ее в кровать. Мама медленно закрыла глаза.

– Послушайте, – сказала я, – вы чем-нибудь занимаетесь в жизни?

– Я? – удивленно вскинула на меня глаза Валентина Васильевна, так звали дочь. – Я... не могу... Могу только в магазин выйти на двадцать минут... Я уже на пенсии. Я работала, а теперь...

– Кем вы работали?

– В НИИ. Я – кандидат технических наук. Когда умер папа, я ушла на пенсию. Чтоб быть с мамой.

– Но, простите, мамин век уже окончен, разве своей жизнью вы не хотите пожить?

– Я не понимаю вас... Мама отзывается, вы просто не увидели! Смотрите, я купила ей погремушки, дудочку!

Она достала из шкафа игрушки и стала постукивать перед маминым лицом. Мама медленно открыла глаза, посмотрела сквозь игрушки и улыбнулась.

– Вот видите? Ей нравится! Она как маленький ребенок!

– А у вас есть дети? – не удержалась я.

– Нет, я не была замужем, некогда было, я занималась наукой. Правда, у меня есть двоюродный брат. Он приходит по четвергам на два часа, когда мне надо в НИИ или за пенсией.

– Вы меня извините, – мучаясь сказала я, – я не смогу вам помочь. Понимаете, я не вижу в этом смысла... – я, волнуясь, стала ей предлагать наладить личную жизнь (в шестьдесят восемь лет!), побережь здоровье, съездить, наконец, в санаторий...

– Что вы! – вновь вскричала она, у меня отменное здоровье! Я занимаюсь! Смотрите!

И она повисла на перекладине в проеме двери. Затем сделала пару резвых движений ногами и спрыгнула.

Комната была сумеречной, хотя на улице было солнце. Давно невымытые окна, старая тюль пропускали мало света. Спасаясь, я все же бросила взгляд на окно. Две редкие традесканции одиноко стояли на подоконнике. «Как мама и дочь», – подумала я.

– Извините, я все же пойду. Вы не переживайте, денег за визит я не возьму, ведь я ничем вам не помогла.

– Что вы! – вскрикнула она еще раз, – Дело не в деньгах! Вы так и не поняли! Мама может даже мыть стол!

Она вновь стала поднимать маму, та опять открыла глаза. Рот был приоткрыт как и прежде. Дочка вложила ей в руку мочалку, которая видимо, для этих целей лежала на столе и сделала маминой рукой пару моющих движений туда-сюда. И тут произошло невообразимое. Женщина вдруг проявила некоторый интерес к происходящему, глаза у нее заблестели подобием мысли и она стала активнее тереть...

Я не знала, что сказать. Через минуту дочь забрала у мамы мочалку и та стала закрывать глаза. Дочка подхватила ее и уложила в кровать.

– Мне надо идти... – сказала я и твердо двинулась к выходу.

– Возьмите деньги, – сказала дочь.

– Нет, не надо, – сказала я.

– Хотя бы бы половину! – умоляюще сказала дочь.

– Хорошо, – сказала я и спешно положив их в карман, вышла на улицу.

Жадно глотнув весеннего воздуха, взглянув на солнце, я стремительно удалялась от дома, в котором пробыла час.

Перед глазами стояла картинка: девяносто двухлетняя женщина мочалкой трет стол. Как это по-женски... И как грустно по – женски...

Испытание

К Алиночке меня пригласили уже после операции. Опухоль мозга. Та появилась внезапно, так же быстро её и прооперировали.

Меня попросили восстанавливать Алину. Разницы нет – после чего реабилитировать. Травма, операция – все одно. Возвращаешь человека в равновесие, к жизни! Всем необходимо пользоваться телом, быть в уме и успокоить душу. Последнее стало особо актуально в наше время...

Алина – женщина лет шестидесяти. У нее прекрасная семья – муж, две дочери, двухэтажная квартира в Москве...

Дочки – умницы, заботливые, внимательные, всегда меня встречали искренне и с улыбкой. Муж с достоинством здоровался и уходил наверх, чтоб не мешать. Алина мне доверилась. Это я почувствовала как-то сразу и мы стали работать.

После опухоли на мозге человек путает руки, ноги, слова... К тому же у Алины была длительная иллюзия того, что она упала и таким образом повредила себе голову...

Однако, через месяц занятий она уже вполне реально понимала, что с ней происходит. Восстановление, на радость, шло активно. Хоть и пошатываясь, но она ходила по комнате, читала газетные заголовки и я позволила себе задать, наконец, главные вопросы жизни.

Чего хочется? Что любила до болезни? Какие цели готова перед собой поставить?

Будучи сама армянкой по происхождению, Алина до пенсии преподавала русский язык. Конечно, я воспользовалась этим в восстановлении и мы стали писать. Список, например, – какие продукты купить. Вели дневник ощущений. Коротко: что болит, чему порадовалась в теле.

По горящим глазам я понимала, что женщина в душе молодая, и жизнь любит. А это очень веский повод к выздоровлению.

Еще через месяц мы, освоив ступеньки, уже выходили на улицу. Алина с мужем, по своему списку, покупала продукты в магазине. А с дочерьми гуляла в парке. Этот довольно стабильный период омрачался лишь одним. Ежемесячной химиотерапией, после которой Алина приходила в себя около недели.

Я понимала, что опухоль просто так не появляется. Этому, я предполагала, должна предшествовать серьезная причина. Как-то в разговоре я спросила про родителей, попросила рассказать о них. Лицо Алины вдруг окаменело. Такой я её видела впервые, очень непривычно. Несмотря на это, родители оказались живы. Правда, мама прикована к постели – восемьдесят восемь лет, а отцу – девяносто два.

– Кто же ухаживает за мамой? – спросила я.

– Папа, – ответила Алина, – он достаточно активен и справляется. Родители у Алины живут в Ереване, далеко от Москвы.

Я ей посочувствовала, ведь не наездишься... И Алина и девочки промолчали...

Что-то не так, подумала я тогда. Дело в том, что связь, хоть и невидимо, между родителями и детьми сохраняется до конца жизни. Работая с людьми, целую коллекцию таких «невидимых нитей» насобирала я. Между мамой и дочкой, отцом и сыном. Эти виртуальные пуповины, повторяющиеся психологические сценарии, алкогольные дуэты сигналили об узлах, завязанных временем и людьми... Но секрет состоит в том, что связь между родителями и детьми не явная и пощупать её нельзя, она как будто закодирована. В ней загадка, намек всем нам, живущим непосредственными событиями... Прикованная к постели мать, думала я, так или иначе как-то связана с Алиной, несмотря на далекое расстояние и почтенный возраст обеих.

В тот раз я промолчала, но позже предложила Алине поработать с психологом, тем более, что у нее однажды на улице случилась паническая атака.

Тело с каждой новой неделей становилось все свободнее, зажимы уходили и Алина ожидала. Происшествие на улице определенно побуждало к работе психологической, и будучи реабилитологом, я этому обрадовалась в надежде на «стереоэффект». Однако мои подопечные медлили.

С начала восстановления прошло более полугода, осталось еще пару-тройку месяцев работы. После девятой химиотерапии мы должны будем расстаться.

Или...

Элла, старшая дочь, которая стала просто мамой для своей матери на время болезни, мне не звонила уже более месяца. Телесное восстановление было довольно приличным, поэтому и я не звонила. (Ну не вести же Алину за руку к психологу, если убеждения не действуют, а она не готова!)

Неловко признаваться, но я предчувствовала, что ближайший период будет невеселым, ведь восстановление приостановилось. Динамика любого процесса рано или поздно или вверх развивается или вниз скатывается, это я давно подметила...

Неясность тяготит. И ведет к неуверенности в намерениях... А это в свою очередь лишает энергии, радости в помощи людям. Оставалось лишь отстраниться и наблюдать...

Месяца через два я все же решилась на звонок. Элла мне сказала, что во время последней химиотерапии ее мама пережила клиническую смерть. Теперь семья, после происшедшего, приходила в себя...

Тем не менее, Элла обрадовалась моему звонку. И тут же поведала мне новость удручающую. Обнаружены метастазы по всему мозгу. Мама еще не знает.

Что (или кого?) убивает химиотерапия? Рак или пациента? Я не знаю этого, даже как врач. Современная, заужено специализированная медицина ответ на этот вопрос не дает...

И все-таки, не это меня беспокоило. Если человек пережил такие убийственные процедуры, значит, он силен. Почему же – метастазы?

Материалистическая концепция мира разрывает все связи.

Не только между матерью и ребенком, она разрывает связь тела и души. Связь видимого и невидимого.

Вот здесь крылась причина опухоли Алины, думала я.

Разговор с Эллой был открытый, да и длительное знакомство позволило мне спросить напрямик:

– Элла, был ли какой-нибудь стресс, обида, чувство вины у мамы за год-два до стремительно выросшей опухоли?

– Да, – ответила она сразу, – за полгода до потери памяти, до шатающейся походки, мама была в Ереване, где разразился страшный скандал.

Родной брат мамы, который все время помогал родителям, обвинил ее в том, что она в Москве, как «сыр в масле катается», а он едва выдерживает один за ними ухаживать. К тому же, денег катастрофически не хватает. Мама очень тяжело пережила это обвинение.

– А вы после этого общаетесь? – спросила я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.